

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Сейчас всё более вырисовывается истина, что наш русский народ (как и другие наши народы) без песни не обойдётся. Если язык — это скрепа, соединяющая страну, то песня — это атмосфера, дающая ей воздух жизни и пространства. Она делает страну жизнестойкой, оптимистической. Не хочу, да и не могу предаваться анализу и оценке песенного творчества — пусть это делают профессиональные критики. Хочу только вспомнить о некоторых моих встречах с песней, её отзвуками в стране.

Патриарх и Царица песни

В майский, светлый, солнечный день на Красной площади был праздник — День русской азбуки, День Кириллицы, День Кирилла и Мефодия. Но это оказался и праздник нашей песни. Открывал его Патриарх Кирилл, с ним царица нашей отечественной, советской песни Александра Пахмутова. Звучали молитвенные распевы в исполнении замечательных монастырских хоров, стройные мелодии русской хоровой классики. Мощные, боевые песни военных ансамблей, звонкие, светлые, детские, пионерские песни детских хоров, известные всей стране. Конечно, это был праздник нашей песни, представление одной из черт нашей стойкости духа, истории и культуры.

Однажды русская эмигрантка в 70-х годах спросила меня: “А вот ваш русский епископ пел не только церковные, но и народные песни, и даже советские — почему?” Я не очень понял её и ответил: “А как же, мы все их пели”. Невдомёк ей, пожалуй, что епископ жил, утверждая дух веры и стойкости в эти годы со своим народом. Епископ этот, исполняя миссию Церкви, был в тот момент за границей, звали его Кирилл (будущий Патриарх). Церковь всегда признавала и утверждала роль музыки, песни в жизни народа. Поэтому столь естественно было место Патриарха Кирилла на этом празднике в День равноапостольных солунских братьев Кирилла и Мефодия, в день торжества русской песни.

Из глубины нашего духа возникли песни “Славное море — священный Байкал”, “Волга-Волга, мать родная, Волга — русская река”. Цокали копыта кавалерии — “По Берлинской мостовой // кони шли на водопой”, отгоняли врага от границы “Три танкиста, три весёлых друга...”, учились “орлята” летать...

Стоящий рядом со мной немолодой человек вытирал слёзы. Прозвучала песня многих последних лет: “Забота у нас простая — // забота наша такая: жила бы страна родная, и нету других забот...”

Красная площадь воссоединила Крым и русскую песню

“Знаете, почему так радостно и светло сейчас на Красной площади? – спросил меня сосед. – Да потому, что русскую, народную, военную, советскую песню присоединили снова к России, как в 2014 году Крым”.

Не знаю, как эти слова можно воспринимать, но точно в том году произошло соединение церковных напевов, народных песен с военными, советскими, пионерскими, ритмическими и лирическими песнями по всей стране. Как бы появился снова в нашей жизни истинный духовный Бессмертный полк. Хотя, скажем чётко, народная традиция песни в стране всегда была у русского и других народов. Песни удалые, раздольные, лирические пели все... Но в определённые дни. Мы в сибирской Марьяновке в 1941–1942 годах дожидались двенадцати часов ночи, чтобы услышать сводку Совинформбюро, услышать из репродукторов звон кремлёвских курантов, а затем “Интернационал”, а по окончании – шум родной Красной площади, гудки, звуки автомобилей. Всё, считали мы, раз автомобили гудят, значит, Красная площадь стоит... На этой ноте шума Красной площади электрический свет, который был до 12 часов, затухал.

Ночь с 31 декабря 1943 года на 1 января 1944 ждали с волнением. Прозвучал новый гимн страны на музыку Александра Александрова и стихи Сергея Михалкова и Габриэля Эль-Регистана. Звучало здорово и уверенно. Михалков позднее сочинял слова и вносил изменения и при Сталине, и при Брежневе, и при Путине. Необычное долголетие и умение определять точные слова. Конечно, Сергею Владимировичу завидовали. Говорят, что Евгений Евтушенко, который тоже участвовал в конкурсе текста гимна страны при Брежневе, сказал при встрече: “А всё-таки ты дерьмо написал, хотя вроде и державные слова...” Михалков, как всегда, слегка заикаясь, ответил: “Дерьмо – не дерьмо, Женя, а вставать будешь”. Так и встаёт весь мир при исполнении этой торжественной мелодии.

Фидель Кастро и “Подмосковные вечера”

И ещё две истории, связанные с песней. После Московского Всемирного фестиваля “За мир, дружбу и антиимпериалистическую солидарность” зазвучали на всех континентах “Подмосковные вечера”. Василий Павлович Соловьёв-Седой, композитор, автор музыки этой чудесной песни, говорил мне на Сочинском фестивале: “Знаешь, как незаметную и, казалось бы, не выдающуюся песню “Подмосковные вечера” вдруг запел весь мир”.

Да, и у нас сначала не все были её сторонниками. Мы, молодёжь из города Николаева, приехав с фестиваля, везде распевали “Подмосковные вечера”. Завсектором печати обкома партии вызвал меня и сказал: “Что вы всё горланите свои “Подмосковные вечера”? Ведь это глупость: “Песня слышится и не слышится, речка движется и не движется...” Что это такое?” Я ответил: “По-моему, правильно: это диалектика”. Мы на замечание внимания не обратили и продолжали петь. Да и весь мир уже пел.

Другая встреча с “Подмосковными вечерами” состоялась на Кубе в 1978 году во время Всемирного фестиваля молодёжи. Там в один из дней фестиваля сам Фидель Кастро пригласил все делегации на приём в громадный парк. Гремела музыка, шли короткие митинги и дискуссии, на вертелах поджаривалось мясо, разливали ром и выдавали по одной кубинской сигаре. К нам, советской делегации, обходя всех, подошёл Фидель. Доброжелательно поздоровался за руку, расспрашивал кто, откуда и кем работает, обнимал смущённых шахтёров и красивых девчат из колхозов. Подошёл и к павильону “Комсомольской правды”, спросил, ездят ли сейчас комсомольцы на БАМ, в тайгу, на целину. Говорим, что ездят, недавно отправили целый отряд из Кремлёвского дворца, прямо со съезда комсомола. Радовался этому. Потом спросил и у меня: “А какой у тебя тираж?” (Обращение на “ты” было принято у революционных барбудос.) Я ответил: “Двенадцать миллионов”. – “Здорово! Я бы с таким тиражом давно бы революцию в мире совершил”. Смеётся. “Ну, а поёте?” – Все закричали: “Конечно!” – и сам Фидель запел с нами “Подмосковные вечера”. Да и как много иностранцев пели “Подмосковные вечера”! Ведь они знали Москву, а песня уже звучала на весь мир, пошла по всем континентам.

Песни с небес. Исаковский

Вот две песни для меня, которые имеют некий знак свыше. Одна – “Священная война”, другая – народный реквием, горький, пронизывающий душу знак того времени “Враги сожгли родную хату...”

“Священная война”, безусловно, пришла сверху, с небес, с божественных высот. Ещё не выступил руководитель страны Сталин, но определились уже цели войны, её особая суть, песня определяла, что эта война – священная. Слово, скажем прямо, не часто встречающееся в лексике тех лет. Она требовала благородной ярости, определения, что сила врага – чёрная, её крылья не смеют “над Родиной летать”. Песня уже в первые десять дней войны стала гимном времени. Музыка Александрова и слова Лебедева-Кумача входили в суть войны, в её душу.

“Враги сожгли родную хату” на слова Исаковского, – конечно, реквием, но не траурной торжественной музыкой входит он в жизнь, а тем грустным звучанием и тихим народным плачем, что звучал многие века над Россией, теряющей своих сыновей и дочерей во имя побед. Всё просто, обыденно и поэтому пронзительно знакомо нашему люду.

“Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...” – Горе, беда, тоска. – “Куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?” – Поэтому и встал он “на перекрёстке двух дорог” – прошлого и настоящего. Темнота – “Кому нести печаль свою”. Он и обратился к прошлому: “Не осуждай меня, Прасковья, // Что я пришёл к тебе такой. // Хотел я выпить за здоровье, // А должен пить за упокой...” – И далее до невероятной точности горькие слова объяснения: “Я шёл к тебе четыре года, // Я три державы покорил...” – Вот какова цена, вот каков путь. Когда он “пил из медной кружки // вино с печалью пополам...”

Исаковский рассказывал мне, что фактически сложил песню в 1945 году, но не хотел затуманить печалью Победу и, окинув ещё раз взглядом пепелища всей своей Смоленщины, выпустил песню в 1946-м. Она стала народной песней печали о жертвах и цене Победы.

Мы в издательстве “Молодая гвардия” любили нашего поэта Михаила Исаковского. Наверное, он был самый скромный и самый песенный поэт. Всё, что он сочинял, становилось народной песней.

Однажды я лежал в Кунцевской больнице. В палате рядом находился с женой Исаковский. Я заходил, когда он просил посидеть, поговорить. Конечно, расспрашивал о песне. “Вот звучит для всех поколений: “Дан приказ: ему – на Запад, ей – в другую сторону, // уходили комсомольцы на гражданскую войну”, а ведь это из нашей ячейки многие шли на войну, мы их провожали, и именно у нас была заколочена дверь, на которой была выведена ставшая знаменитой надпись: “Райком закрыт. Все ушли на фронт”. А вот “Летят перелётные птицы” я написал, когда должен был улететь из Внуково, но самолёт задерживался. Мы вышли на балкон, вверху летели журавли, курлыкали, было почему-то грустно, улетать не хотелось, появились строчки, что “А я не хочу улетать” и “я остаюсь с тобою, родная моя сторона, // не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна”.

Да, эти слова мы повторяли не раз, отправляясь в дальний и близкий путь. Конечно, я расспросил и про знаменитую “Катюшу”. К нам в Сибирь песня пришла до Великой Отечественной, когда дядя Боря пришёл с Финской войны. Там её уже знали красноармейцы, но мы воспринимали её как песню пограничников: “И бойцу на дальнем пограничье // от Катюши передай привет”. Но вот во время Отечественной она приобрела и грозный оттенок, была услышана в огненных ударах гвардейских реактивных миномётов. Знаменитая “Катюша” исполняла свою песню. Была уверенность, что “того, которого любила и чьи письма берегла”, она “бережёт” и защищает здесь.

В Югославии и Италии партизаны исполняли её как свой боевой марш, немного, конечно, переиначив. Там же, в Кунцево, попросил зайти и Расул Гамзатов в свой изолированный коттедж. Мы выпускали много его книг, а в то время готовили “Мой Дагестан” в переводе Владимира Солоухина. В комнате уже сидели Давид Кугультинов, Мустай Карим, Кайсын Кулиев. Явился и коньяк, конечно же, лечебного свойства. Зашёл разговор о поэтах. Давид поднял рюмку: “Давай выпьем за лучшего поэта в стране Расула Гамзатова”. Я подождал. Давид: “Ты чего не пьёшь?” Говорю: “Я предлагаю тост за всех

лучших поэтов страны и за Расула Гамзатова в том числе”. — Давид напирал: “А кто ещё?” — “Вот Василий Фёдоров. Мы только что выпустили его двухтомник”. — “Но он же умер”. — Говорю: “Только что, а вот хотя бы... Исаковский...” — Давид сопротивлялся: “Но он же такой скромный”. — Я поднял палец: “Вот!” — Расул понял и сказал: “Валерий правильно говорит: “За всех лучших поэтов”, — хитро улыбнулся, — ну, и за меня тоже”.

Да, стихи, песни Михаила Исаковского скромно заполнили пространство России. Особенно они понадобились во время войны. И как это ни кажется неправдоподобным, а то и удивительным, Верховный Главнокомандующий почувствовал их необходимость. В 1943 году, когда уже засветилось зарево победы после Сталинграда, но многое ещё было неясно, Сталин присуждает Сталинские Государственные премии в области литературы и искусства. И одну из первых премий — Михаилу Исаковскому. Главнокомандующий почувствовал живительную, ободряющую, лирическую силу песни. В 1941–1942 годах было, конечно, не до песен, а в середине войны понадобилось найти духовные резервы, и Сталин увидел их, в том числе, и в песне, где Исаковский был подлинным творцом великих текстов. Признание Сталиным роли песни как возвышенной, духовной спасительницы было очень важно в то время. В какой-то момент она сыграла ту же роль, что и слова, сказанные во время парада на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года, когда, как бы обращаясь к прошлому, он сказал бойцам, уходящим на фронт: “Пусть вдохновляет вас образ великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова...” Это был последний духовный резерв Верховного — враг стоял у стен Москвы. Песня тоже должна была влить силы в души наших бойцов, наших людей.

Песня-боец, песня-любовь, песня-надежда — такие песни и сочинял Исаковский. Боевые, романтические, песни любви, песни радости, песни-реквиемы.

Мы в Союзе писателей часто проводили собрания в память жертв сожжённых во время войны деревень. В Смоленской области были сожжены и уничтожены сотни деревень и тысячи, сотни тысяч людей. Весь мир знает о смертоносном лагере Бухенвальд и о тысячах людей, погибших там. А кто знает десятки, сотни смоленских Ивановок, Поповок, Марьяновок с их тысячами сожжённых и убитых жителей?.. Бухенвальд знают все, а те сотни тысяч жертв, погибших жителей Смоленска?.. Бухенвальд — смертоносен! Да, а кто помнит 19 Бухенвальдов, которые гитлеровцы уничтожили на одной Смоленщине?

Исаковский это хорошо знал. Отсюда его печали и тоска, призыв к жизни и памяти об этих Ивановках, Петровках, Марьяновках. Знал и напомнил своим словом, своим творчеством, взывая к жизнелюбию.

Фатьянов

Во владимирских Вязниках “на солнечной поляночке”, где “дугою выгнув бровь, // мальчишка на тальяночке играет про любовь”, шёл праздник Фатьянова... Много лет назад песенный народный праздник в окружении белоствольных берёз, на простой, деревянной, гостеприимной площадке утвердили здесь. Сначала он заиграл всеми красками народной, русской, советской, военной песни. Фатьянов после Исаковского был, может, самым плодовитым песенником. Пелись его “Наш город”, “За заставами ленинградскими”, “Соловьи”, “Где ты, мой сад”, “Золотые огоньки”, “На крылечке твоём”, “Если б гармошка умела”, “Когда весна придёт — не знаю”, “В городском саду играет”. Его песни войны напоминали о Родине, щебетании птиц, о доме, где солдата ждут, на мгновение помогали заснуть на привале, с тихой мелодией, обращённой к соловью: “Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, // пусть солдаты немного поспят”, — ведь “завтра снова будет бой”. Он обращался к вещам и чувствам, понятным и близким людям, — всем нам после войны были понятны чувства фронтовиков, которые тихо и с грустью пели “Майскими короткими ночами, // Отгремев, закончились бои. // Где же вы теперь, друзья-однополчане, // Боевые спутники мои?” Они бы с “ним припомнили, как жили, // Как теряли трудным вёрстам счёт. // За победу б мы по полной осушили, // За друзей добавили б ещё”. Праздник в Вязниках превратился без официального ТВ-пиара в общероссийский. На него приезжали Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова. Я был на празднике, когда приезжала

Эдита Пьеха. Она немножко не понимала, куда и зачем она приехала. Потом постепенно поняла, что это народный праздник. Дочь шахтёра, она почувствовала его суть и благодарила за приглашение. И вот эту его суть надо было поддерживать, как народный праздник, праздник русской, советской, армейской и лирической песни. Я далёк от того, чтобы утверждать, что этот праздник сознательно решили погасить, но на 5-м канале ТВ у Караулова почти так и говорили: организатора праздника, главу администрации, посадили в том числе и за это. Всё-таки праздник сохраняется, песни Фатьянова звучат, Союз писателей России поддержал издание в серии ЖЗЛ книги о Фатьянове. Всё близко нам в его песнях, созданных в содружестве с замечательными композиторами Соловьёвом-Седым, Мокроусовым и Блантером. Помню, как в юности я пришёл в Макаровский сквер в Николаеве, где играл духовой оркестр, и увидел, что на скамейке возле моей девушки “нет свободных мест”. Обидно было, но я всё это уже знал по песне.

А в 90-е годы, когда уже не было Ленинграда, а был Санкт-Петербург, питерские болельщики “Зенита” во Франции затаили с призывом к победе “Над Россией небо синее, // Небо синее над Невой, // В целом мире нет красивее // Ленинграда моего”. Французы выслушали внимательно и даже поаплодировали, а недавно сам президент РФ сыграл перед встречей с председателем КНР Си Цзиньпином эту мелодию на рояле, напомнив нам о Фатьянове.

Матусовский

Мне кажется, что почти каждый поэт-песенник (хотя многие из них это определение не любят), каждый автор слов имел своё лицо, свою землю, которые одухотворяли его творчество. Вот ведь Михаил Исаковский впитал в себя в полной степени соки родной Смоленщины – передового рубежа обороны России, её тихой, скромной природы, жертвенности в служении Отечеству – отсюда “Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону”, “Уходили в поход партизаны, // уходили в поход на врага”.

Так эта “любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам”, скромность стали основной сутью творчества Исаковского. У второго песенника-чудесника Фатьянова от владимирских Вязников через эту солнечную полянку, где на фронте выпадали редкие минуты отдыха бойцов, возникла его суть, смысл его творчества.

А у Матусовского исток – его малая родина Донбасс, где он впитал гордый и твёрдый шахтёрский дух. И ещё дух глубинной, высокой и неуступчивой России, её прошлого, её истории. Там он работал: и на заводе, и на других работах. Потом закончил МИФЛИ в Москве и начал большую работу-исследование на кафедре древнерусской литературы, писал кандидатскую диссертацию, защита которой была назначена на 27 июня 1941 года под руководством известного специалиста-профессора, а затем и члена-корреспондента Академии наук Н. К. Гудзия. 27 июня уже кипела война. Матусовский ушёл на фронт, и на фронт ему прислали телеграмму: “Учёный совет рассмотрел вашу диссертацию в ваше отсутствие и присудил вам степень кандидата наук за её полную творческую готовность”.

Нет сомнений, что на песенное творческое начало Матусовского повлияло изучение материалов для диссертации, название которой звучало так: “Очерки поэтического стиля древнерусских воинских повестей периода татарского нашествия на Русь”.

Удивительно и промыслительно, что он взялся изучать такую тему и, безусловно, что эта тема стала одним из живительных истоков творчества Матусовского. Дух его песен исходил из былинного исторического прошлого, из того летописного поиска, “откуда есть пошла земля русская”, из восторга древнерусского возгласа: “О, светло светлая и украсно украшенная земля русская!” Отсюда одна из его пронзительных песен “С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре, // С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе, // А может, она начинается с той песни, что пела нам мать, // С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять”. Недаром эту песню любят те, кто защищает Родину, служит ей. Она была песней нашего поколения. Помните, как её слова подсказывал президент страны подзабывшему текст студенту?

Да, конечно, необходимо познать и знать, “с чего начинается Родина”...

Лев Ошанин

Размашистый певец святой земли России Лев Ошанин родом с Ярославщины, земли Сергея Радонежского, иеромонаха Иринарха Затворника, благословившего в 1612 году на освобождение Москвы от ляхов Минина и Пожарского, сонма святых из Ростова Великого и Рыбинска.

Льва Ивановича Ошанина всегда узнают по его песне “Эх, дороги, // пыль да туман, // холода, тревоги // да степной бурьян”, но и не только по этой.

Особенно любили мы знаменитую, простую, возвышенную, сердечную его песню “Забота у нас простая, // забота наша такая: // жила бы страна родная, // и нету других забот. // И снег, и ветер, // и звёзд ночной полёт, // меня моё сердце // в тревожную даль зовёт”. Она звучала на комсомольских собраниях и сходках, в школе и в вузе. “Пусть всегда будет солнце”, “Издайка долго // течёт река Волга”... “Волгу”, ставшую визитной карточкой Народной артистки СССР Людмилы Зыкиной, она блистательно исполняла до конца своих дней...

“Марш демократической молодёжи мира” был переведён на сто языков и, действительно, его знала молодёжь многих стран. А песня “Пусть всегда будет солнце, // Пусть всегда будет небо, // Пусть всегда будет мама, // Пусть всегда буду я” звучала на всех детских, да и государственных праздниках.

Лев Иванович часто бывал у нас в издательстве “Молодая гвардия”. Мы выпускали его книги, песенники.

... Когда меня “попросили” из “Комсомолки” за публикацию критических материалов о Северном Кавказе, в ЦК объявили, что я против дружбы народов, и число моих друзей сильно уменьшилось. В середине 1981 года мне предложили провести творческий вечер в музее Николая Островского в центре Москвы. Кто будет ведущим? Откликнулся Лев Ошанин. Вёл прекрасно, легко, да и расхваливал меня, что было приятно после синяков и шишек. Наши “патриоты” относились к нему настроенно и задавали вопросы на убой: “А как вы, Лев Ошанин, относитесь к сионизму?” Лев Иванович смотрел на спрашивающего, потом на меня и отвечал сногшибательно: “Я отношусь к сионизму так же, как Валерий Николаевич”. Больше вопросов к нему не было. В конце вечера все спели “Жила бы страна родная, // и нету других забот...”

Пахмутова

Да, Михаил Исаковский со товарищи по песенному содружеству своего времени играли ту же роль, что и Александра Пахмутова с Николаем Добронравовым в 70–80-е годы и сегодня. Они были подлинными властителями песенного мира, а она – царицей советской и русской песни. Трудно представить России без песен Пахмутовой, без объединяющей, скрепляющей роли её песен для нашего народа, народов нашей страны.

Конечно, одним из важных нетленных очагов песни в стране можно считать молодёжь, комсомол, пионеров. При этом, безусловно, главным её источником был народ, его песня продолжала вековую связь поколений. В борьбе с ней были задействованы крупные силы, чтобы выпихнуть, вывести народную песню из быта и жизни молодых. Кто-то захотел оставить только новые политические, революционные или позднее либеральные мотивы в современном песенном творчестве. Слава Богу, это не удалось сделать до конца. Молодёжь, комсомол продолжали традиции. Особенно этому способствовала Отечественная война, а сегодня – народная инициатива Бессмертный полк.

Конечно, комсомол пел “Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону...” В 20-е и 30-е годы пели “Молодую гвардию рабочих и крестьян”. Кстати, с этой популярной песней у меня был свой казус. Когда я готовил кандидатскую диссертацию о работе печати в 20-е и 30-е годы, то обнаружил, что в начале 20-х годов в журнале “Молодой большевик” песня “Молодая гвардия” называлась “Песней молодых немецких рабочих”. Позднее появилась приписка: перевод Александра Безыменского, а потом, после 30-х годов, уже стали писать: “автор – Александр Безыменский”. Я опубликовал эти сведения, и Безыменский мне написал: “Да, это так, но зачем вам это нужно? – Конечно, незачем, но чтобы была истина”. Вот ведь как может проявляться правда об истории песен! Да и не только о них.

В 60-е годы ярко вспыхнула собственно молодёжная комсомольская песня. Особенно, став почти комсомольским гимном, песня Льва Ошанина и Али Пахмутовой “Песня о тревожной молодости”. Мы распевали её везде – на демонстрации, в клубе, на собрании, в походе, как бы подчёркивая свою главную цель и заботу. А затем целая серия песен о комсомольцах (“Комсомольцы-добровольцы”). Конечно, наверное, они были заряжены от “Марша весёлых ребят” Лебедева-Кумача и Дунаевского.

В унисон звучали песни А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова, Н. Добронравова “Главное, ребята, сердцем не стареть!”, “Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!” (помню, как пел её весь XVIII съезд комсомола в Кремлёвском Дворце). Тут же были песни о комсомоле на целине, на ударных комсомольских стройках В. Мурадели “Едем мы, друзья, в дальние края” и “Расцветай, Сибирь”, Е. Родыгина “Едут новосёлы по земле целинной”, С. Пожалкова “Ребята семидесятой широты” и др.

В общем, комсомол оставался полезной необходимой площадкой для взросления, объединения молодёжи, и немалую роль, что бы ни говорили, в этом играла песня. Она объединяла, входила в глубины народного быта, культуры, профессии. И, если сегодня организации молодёжи не найдут этого соединения, то его найдут их оппоненты. Как я писал в 90-е годы, “на крыльях национальной песни уплыла Прибалтика из Советского Союза”. Да, все мы помним эти массовые хоры в Вильнюсе, Риге и Таллине. Наши чиновники и партийные люди радовались: “расцвет народной культуры”. Так-то оно так, но таким образом вырабатывался дух национального отрыва от СССР, которому мы не смогли противопоставить свою объединительную песню.

И абсолютно уверенно можно говорить, что Александра Пахмутова – царица молодёжной песни, песни юности во все времена.

О А. Пахмутовой и Н. Добронравове в этом смысле надо писать отдельную главу, и я её ещё напишу. Да, что я – у неё тысячи, а то и миллионы поклонников и почитателей. Да, она композитор молодости, которая растёт, но композитор остаётся с ней на всю жизнь. Там, где появляются А. Пахмутова и Н. Добронравов, там всегда радость, свет, вдохновляющая нежность и единение людей.

Мой польский коллега (а в Польше у нас и теперь немало друзей) сказал мне, что наши композиторы даже из железа могут делать песни. А мы тогда громогласно распевали “ЛЭП-500 не простая линия, // и ведём мы её с ребятами // по таёжным дебрям глухим”. И тут же пели про Братскую ГЭС: “Навстречу утренней заре // по Ангаре, по Ангаре... // плывут сибирские девчата”. Мы и не думали тогда о “железе”, пока пели об этом, а думали об этих парнях и девчатах. Пели о себе, о своих товарищах. Молодёжь любила Алю и Николая, встречала их громом аплодисментов. Казалось, её песни и всё творчество для молодых действительно не дало постареть, потускнеть той самой созидательной, памятной части молодых потомков Бессмертного полка.

Вот случай, а точнее, знак времени. На съезде комсомола Алю встретили громом аплодисментов. Когда она вышла на трибуну, – а она небольшого роста, и не всем её было видно, – народ начал вставать, аплодируя, зал буквально закипел восторгом. На этот съезд наши болгарские собратья-комсомольцы передали по красной гвоздике каждому делегату. И надо было видеть, как гвоздики двигались красным веером к трибуне. Балконы и амфитеатр бросали гвоздики в партер. Там, внизу их передавали к трибуне, которую засыпал красный каскад цветов. Из президиума выбежал чемпион мира по борьбе Ивановичий с кучей цветов, взял Алю на руки и отнёс в президиум.

Да, Пахмутова – подлинный композитор молодости, истинный композитор страны, её уверенности, её памяти. На её песне возрастала и возрастала молодёжь, и песни становились песнями всей страны, песнями всех поколений. Их пели все настоящие хоры.

А что касается наших хоров, то назову два-три из них, которые произвели на меня самое большое впечатление. Это, конечно, Омский хор, Северный хор, хор Пятницкого. Его последний расцвет был в немалой степени обязан тому, что в нём приняла живое участие жена Черномырдина. И как бы ни относились к бывшему премьеру, он сам играл на гармошке, сохранил для нас замечательную телевизионную передачу “Играй, гармонь” талантливого семейства Заволокиных.

А Кубанский казачий хор Виктора Захарченко, безусловно, имеет заслуги в соединении русской и украинской песни. Для этого Виктор Гаврилович сделал немало, во всяком случае, больше, чем многие теледиспутанты.

Ну и, конечно, блистательный, непревзойдённый академический хор Владимира Минина, воспитавшего среди своих учеников того же Виктора Захарченко. Когда в консерватории проходили концерты хора Владимира Минина и звучала музыка Георгия Свиридова, в зале всегда были мы со Светланой, Валентин Распутин со своей Светланой, Крупин с Надей, Юра Селивёрстов... И это всегда становилось событием, познанием, великолепием мастерства.

“Знаете, каким он парнем был...”

В апрельский день, скорее, утро, мы ехали из Геленджика после проверки баз подготовки для летнего отдыха студентов из зарубежья и наших ребят. Это были базы дружбы, предназначенные, скорее, для утренней работы в саду и на совхозном поле, а уж если совсем точно, то для того, чтобы в этом труде они знакомились с нашими советскими людьми (многие на всю жизнь), совершенствовались в русском языке.

В машине вдруг раздался торжественный и громкий голос Левитана из приёмника: “Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём сообщение ТАСС о первом в мире полёте человека в космическое пространство. 12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...” Было что-то потустороннее в этом сообщении, неземное. Оно было о космосе, о полёте туда человека. Там советский человек, Юрий Гагарин.

Представитель министерства весь час буквально стонал: “Но он ещё там... Сядет ли на землю?” На правах оптимиста, хотя я был младше его на двадцать лет, прикрикнул: “Перестаньте скулить, сядет обязательно”. Хотя знал ли я? Знало ли человечество? Но как нам позднее выговаривал великий скульптор Сергей Конёнков после гибели Юры: “Зачем же вы снова пустили его в небо?” Я понимал, что это не мы Юру не уберегли, но Конёнков настойчиво винил нас и с упрёком повторял: “Он же небожитель”, “наш, смоленский”. Юра, конечно, был небожитель, но никаких качеств этого высшего существа не обнаруживал перед нами, был вроде бы такой, как все послевоенные ребята.

А в то утро мы быстро помчались в Минеральные Воды, откуда улетал самолёт на Москву. В столице творилось что-то невероятное: улицы кипели восхищением, толпы молодых людей пели, кричали речёвки, тут же писали на бумаге плакаты: “Даёшь космос!”, “Гагарину слава!” Да и пели всё, что было в репертуаре того времени, казалось, что страна ждала этого полёта. “До самой далёкой планеты // не так уж, друзья, далеко”, – распевала молодёжь. Пели про Родину, её просторы, “Широка страна моя родная”, победные песни войны, выражали песней небывалую радость. Весь город бурлил. Честно говоря, за всю свою более чем 80-летнюю жизнь помню всего два таких всенародных праздника. 9 мая 1945 года – это был неповторимый праздник Победы “со слезами на глазах”, как пелось позднее. И этот праздник 12 апреля 1961 года – праздник восторга, восхищения: “Человек, наш советский человек полетел в космос, и ему всё подвластно и близко”.

Сейчас всё, что связано с Юрием Алексеевичем, уже миф, а тогда было всё ясно и просто: этот человек с нами, а как же – он наш. С комсомолом он дружил, переживал за всё, что было в стране, да и в мире. Вспомню всего два случая. В 1964 году мы в журнале “Молодая гвардия” опубликовали обращение к молодёжи великих наших исполинов: художника Павла Корина, писателя Леонида Леонова, скульптора Сергея Конёнкова “Берегите святыни наши”. Гагарин внимательно всё прочитал и 25 декабря 1965 года выступил на пленуме ЦК ВЛКСМ. Никита Хрущёв только что ушёл. Ещё раздавались его грозные обещания “показать через 20 лет последнего попа”, день 9 мая перестал быть красным днём календаря при нём. Юра, отодвинув в сторону наши бумажки, которые мы ему подготовили, сказал о важной науке для молодых: “Берегите

святыни наши!” Он сказал, что надо беречь и ухаживать за памятниками героям Отечественной войны, и первый сказал о восстановлении храма Христа Спасителя и Триумфальной арки в Москве как памятников героям 1812 года. Комсомольцы заплодировали, комсомольское начальство тоже. Лишь инструктор ЦК партии подошёл ко мне и растерянно спросил: “Как вы думаете, Гагарин согласовал этот вопрос наверху?” Я поднял палец вверх: “Да, на самом верху”. Юрий Алексеевич действительно из поднебесья, из космоса указывал нам путь.

В Артеке, у горы Аю-Даг отдыхали, а скорее, работали, выступая перед моряками и пионерами, комсомольские вожаки и народные артисты. Попал туда и я, когда там был Юрий Алексеевич. Было это, конечно, незабываемо. Сгусток энергии, выдумок, веселья, песен. То затеет волейбольный матч, дав нам фору в одного-двух человек, то в маленьком бассейне соревнование “Ты да я – спортивная семья”. Ну, где нам было угнаться за ним и его девчонками! То коллективная рыбалка, то встреча с артековцами, разучивание песен. Были там тогда и Юра Ельченко с Украины, Аля Пахмутова, Коля Добронравов, Миша Шолохов с красавицей женой и сыном Сашкой, который всё переживал, что я так и не смог овладеть умением кататься на водных лыжах: “Дядя Валера, вот посмотри, у дяди Юры всё получается”. Да, у Юрия Алексеевича всё получалось: он ходил и на одной руке, и с поворотами, даже иногда задом наперёд. Но это же Юра! Вечером сидели у костра, пели народные, советские, военные песни. Юра просил у Миши Шолохова: “Давай казацкие”. Пели их и, конечно, неистощимы были песни и мотивы у Али Пахмутовой и Коли Добронравова. Были и курьёзы – жёны, чтобы проучить нас и чтобы мы, мужики, не засиживались со своими разговорами о политике и спорте, да ещё с пивом, решили запереть после 12 часов двери: “Просите прощения!” Юра жизнерадостно захохотал: “Ладно, это ненадолго. Придут сами. А я вот на бильярдном столе спать буду”. Благо, было тепло. Однажды, когда он припозднился с утра, то сел с моими Светланой и Мариной. Света стеснялась, но Юра расшевелил их. Сказал шестилетней Марине: “Я – Гагарин-космонавт”. Марина всплеснула руками. “Так это тот, кто всегда пьёт кефир. – Почему? – А нам воспитательница в детском саду говорила: “Пейте кефир, будете, как Гагарин”. Юра хохотал.

Затем, позднее, уже из Москвы мы полетели в Вёшенскую к Шолохову. Состоялась по-своему историческая встреча “Молодые писатели у классика современной литературы”. Первые два места в самолёте заняли Сергей Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и Юрий Гагарин, а через проход – Юрий Верченко и я, отвечавшие за содержание встречи. К первым местам стюардесса подвезла коляску с рюмочками коньяка и с бутербродами. Было ясно – Гагарину. Но через какое-то время такую же коляску подвезли и к нам. Выпили, конечно, тоже. Но почему нам-то? Смотрю: Юра давится от смеха. Спросил у стюардессы: “Кто заказал?” Та пожала плечами: “Вот Юрий Алексеевич сказал, что вы первый космонавт, который скоро полетит на Луну”. Подошёл к нему и спросил: “Твои проделки? А почему не сразу на Марс?” Юра хохотал: “Нет, вы лунатики”. Так и остался я тогда с этим прозвищем.

В первый день в Вёшенской писатели встретились с Шолоховым. Был серьёзный разговор, поехали на берег Дона, Юра устроил кутерьму, играл в волейбол, пели за столом. Гости сели за скатерть-самобранку, полную яств, и Юра просил спеть казачьи песни, подтягивал. Затем поплыл через Дон с песней “Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”. Я увязался за ним, переплыли Дон, но уже понял, что обратно не переплыву, и спустился, как бревно, сверху по течению. К вечеру собрались на центральной площади, на майдане, возле церкви, где была возведена эстрада-трибуна.

Мы взошли вслед за Шолоховым и Гагариным на неё. Площадь была живописна. Спереди и сбоку стояли старики в казачьей форме, в галифе с лампасами, но в галошах и в шерстяных носках. Кучками стояли молодницы, молодые женщины, доставшие из сундуков роскошные наряды, цветастые платки, и красавицы-девушки – “чернобровые казачки”. Между ними, расставив руки и изображая самолёты, бегали мальчишки. Шолохов подождал, когда майдан стал стихать, и, потрогав свои рыжеватые усы, сказал слегка хрипловатым, но громким голосом: “Вёшенцы! (Вот так именно: не товарищи, не граждане, тем более – не господа, что звучит сегодня). “Вёшенцы, к нам приехал Юра Гагарин и писатели! Дадим им слово! – Любо!” Не так часто мы

тогда слышали подобное казацкое одобрение: “Любо! Любо!” “Ну, просим, Юра, скажи казакам”. Честно говоря, я ни разу не видел и не слышал, чтобы Юрий Алексеевич так волновался. “Знаешь, – сказал он мне, – волнуясь, как никогда! Шолохов же и казаки”. Я успокаивал: “Да что ты! Расскажи про полёт, про корабль, про то, какое Чёрное море и Дон сверху, ведь ты это видел”. Юра шагнул к микрофону, и затем прозвучало его самое блестящее слово, какое я когда-либо слышал. Гений Космоса рассказывал об ощущении земли из космоса Гению Слова, сыну казачества о том, что единит мир и людей! На следующий день Юрий Гагарин улетел в Комсомольск-на-Амуре, где я был месяц назад, и обнаружил, что город, его жители не награждены никакой наградой. Павлов проверил, внёс записку в ЦК, там приняли решение: наградить. Юра полетел с Дона на Амур. Его везде ждал народ.

Ну и, конечно, Гагарин принёс с собой песни – лёгкие, весёлые, а потом с глубоким раздумьем и горестью – о его гибели. Вот несколько из них. Безусловно, песенный памятник Юре создавали Аля Пахмутова и Николай Добронравов. Счастлив, что присутствовал при первых прослушиваниях некоторых песен из их альбома. У них была выработана привычка: приходиться в ЦК комсомола или в издательство “Молодая гвардия” и исполнять написанную ими песню. Так и случилось в горестные для всех нас дни ухода Юрия Алексеевича. В “Молодой гвардии”, в большой комнате редакции прозы, где собралось почти всё издательство, пришёл и наш постоянный гость, великий полярник Артур Чилингаров. Они исполнили знаменитую песню “Знаете, каким он парнем был?” И, несмотря на общую боль, песня была полна высокого чувства, что с нами рядом жил такой великий человек, подарок земли и неба. Да, они создали эту выдающуюся мелодию о нём “Созвездие Гагарина”, небесную “Нежность”, которую любили исполнять эстрадные певицы, особенно женщины. Аля писала об этом альбоме: “Мне давно хотелось написать песню о Гагарине. На нашей планете нет человека, который не знал бы о нём, о его мужестве и доброте, о его удивительной улыбке.

Может быть, когда-нибудь люди назовут его светлым именем новые звёзды, и не в поэтическом воображении, а наяву засияет над нашей Землёй созвездие Гагарина. О нём будут написаны книги и сложены легенды. А эти первые песни пусть будут просто воспоминанием о нём и благодарностью судьбе за то, что она познакомила нас с этим солнечным человеком”.

На пластинке в исполнении народного артиста СССР Юрия Гуляева записаны четыре песни из цикла “Созвездие Гагарина”: “Запевала звёздных дорог”, “Смоленская дорога”, “Знаете, каким он парнем был?”, “Как нас Юра в полёт провозжал”.

Эта работа – продолжение “лётной” темы, начатой в песнях “Обнимая небо”, “На взлёт”, “Мы учим летать самолёты” и “Нежность”.

Да и другие песенники возвышались до воспевания этого подвига. Долматовский и Мурадели создали торжественный гимн “И на Марсе будут яблони цвести”; Р. Рождественский и О. Фельцман воспели “Огромное небо”, которое уже было одно на двоих. И уж все мы, как и космонавты, распевали о том, что “Заправлены в планшеты // космические карты, // и штурман уточняет // в последний раз маршрут”. И хотя многие из них не курили, но призывали, как на войне: “Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом”.

Да, с Юрием Гагариным высоты и глубины песни принадлежали земле и небу. Да и все они, первые космонавты, светоносные люди дружили с песней и давали для неё образы.

“Песню дружбы запекает молодёжь”

Ещё раз повторяю, то, о чём пишу, не страницы диссертации, не глубокая аналитика того, что происходит с песней и её исполнителями, – это, скорее, мои воспоминания о встречах с песней и её исполнителями в разное время, в разных обстоятельствах.

Вот некоторые из них. 1964 год – должен был состояться Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Делегации собрались ехать в Гану, там переворот, потом – в Алжир, там тоже переворот. Левый, кажется, генерал бен Белла был заменён на вроде нейтрального Хуари Бумедьена. Опять не ясно: куда ехать? Ну, конечно, в Москву, но уже не на фестиваль, а на форум молодёжи мира. Нас вызвал Сергей Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и сказал:

“Срочно подумайте, чем разнообразить форум как событие международное, политическое, искреннее, знаковое, что ли?” Через день мы пришли с предложением провести Публичный суд над расизмом, сами ещё не представляя до конца, что это такое. Павлову идея понравилась. Он согласовал в “большом” ЦК — там согласились. Поручено это было мне и ответорганизатору отдела Славе Гурьеву, юристу по образованию. По некоторой наивности и молодости мы обратились в ООН, в Британию, Францию, страны Африки. И — о, чудо! На наш адрес КМО (Комитет молодёжных организаций СССР) посыпались письма, материалы, плёнки, короткометражные фильмы, да ещё и в большом количестве. Мы попросили, чтобы главным судьёй был член-корреспондент Академии наук Виктор Михайлович Чхиквадзе, директор Института права АН СССР. Были приглашены судьи из Франции — руководители Ассоциации юристов-демократов, судьи и представители комитетов ООН по борьбе с расизмом, делегации не только молодёжных организаций, но и правительств некоторых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Первое официальное заседание суда прошло в Колонном зале Дома Союзов. Зал был переполнен. Делегации левых, религиозных, консервативных организаций молодёжи, множество журналистов, которые хотели бы узнать, что это такое. Что это за суд? Мы ходили с торжественным видом и молчали, как будто знали до конца, что будет.

А дальше было грозное заседание — объявили проведение Международного суда над расизмом! Наш Главный судья представлял слово многим, кто обличал расизм. Конечно, африканцы, конечно, представители США, где антирасистские настроения нарастали, Египет, подпольщики из ЮАР от самого Нельсона Манделы, сидящего в тюрьме и ставшего всемирным символом борьбы. Это было впечатляющее зрелище! Не часто встречалось у нас, когда свидетель, обличающий расизм, подходил к кафедре и, положив руку на Устав ООН, заявлял: “Клянусь говорить правду и только правду!” Мурашки по коже! После многочисленных свидетельств, допросов, демонстрации кинороликов, разных документов все делегации собрались через несколько дней снова в зале Колонного зала. Ведущий зачитал обвинительный акт, обличающий расизм и его выразителей, и Декларацию молодёжи мира с обещанием бороться против расизма. Весь зал встал, аплодировал, скандировал “Расизм не пройдёт!” Потом все, взявшись за руки, запели “Гимн демократической молодёжи мира”. Громко!

“Дети разных народов, // Мы мечтаю о мире живём. // В эти грозные годы // Мы за счастье бороться идём. // В разных землях и странах, // На морях-океанах // Каждый, кто молод, // Дайте нам руки, // В наши ряды, друзья!” В глазах горел энтузиазм, действительно, тогда чувствовалось единство сотоварищей. Тогда это было незабываемо. Молодёжь поёт, значит, едина. Сегодня ощущаю, что можно и нужно провести суд над современным фашизмом. Он снова поднимает голову в Европе, на Востоке и у нас. Иногда кое-кто пытается щеголять расизмом и человеконенавистничеством. А тогда тот суд вызвал восторг в мире. Было проведено его заседание в Гане (я там бывал), в Индии, на Кубе.

Пакистан и Индия

1967 год. По заданию Комитета молодёжных организаций я был направлен в Пакистан и Индию для встреч с руководителями молодёжных организаций. Пакистан поразил потрясающей нищетой и бедностью. Тысячи беженцев из Индии с безысходным, обречённым выражением лица сидели на корточках в центре Карачи, как бы ждали своей участи. Наш Генеральный консул в этом самом крупном городе страны В. Стукалин был мне знаком по работе в комсомоле города Москвы, он знакомил меня с этим океаном нищеты и рассказывал, что советские капитаны просили в первое плавание направлять наши торговые корабли в Пакистан, чтобы члены экипажей, насмотревшись бед и страданий тут, никогда больше не помышляли о бегстве за границу. Да, пожалуй, это была прививка. Помню, как в Дакке, в самой большой мечети в мире (как говорили хозяева), когда мы поднимались по лестнице вверх, на нас двинулась волна нищих; девушки, скорее, девочки 12–14-летнего возраста протягивали навстречу нам завёрнутых в пелёнку детей-червячков — столь маломощными и худыми они были. Мы полезли за малыми деньгами в карманы. Сопровождающий нас доктор медицины, председатель Общества

дружбы Пакистана и СССР закричал: “Не смейте – вас разорвут!” – и ударил палкой окруживших нас нищих: “Отходите!” Повернул нас вспять. Было страшно, больно и обидно.

Встречи с молодёжными лидерами состоялись. Они не скрывали смертельных бед, обвиняя США, Англию и Индию. Судить о доли их вины было трудно. В Индии говорили то же самое, но вину Пакистан.

Дальше была Индия. Самолёт в Дели. Правда, перед отлётом туда молодёжные лидеры “подарили” мне номер американского журнала “Ньюс-уик”, посвящённый 50-летию Октябрьской революции, где довольно доброжелательно была описана встреча “молодого энергичного блондина Валерия Ганичева” с американским журналистом, где он, представляя отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ, с уважением доказывал, что верит, в конечном итоге, в победу социализма и коммунизма, как и вся советская молодёжь. Пафос был понятен: победа в Великой Отечественной войне, первый полёт в космос, первая АЭС, первый атомный ледокол, спутник и т. д. Ведь, в конце концов, я беседовал с американским журналистом и должен был доказывать преимущества нашей страны, а не философствовать на симпозиуме. Всё бы и хорошо, но мои старания выдать себя только за представителя КМО, хотя таким я тоже был, не удалась.

Вечерами в гостинице мы пели наши песни, как-то нам было с ними спокойнее и надёжнее после всяких бесед с западными журналистами.

Индия. Мои впечатления

Первое – Красный форт в Дели. Для индусов, как Кремль для нас, – святыня. Но в данном случае я был поражён выдающимся соединением в его стенах звука и света с отблесками истории, культуры, духа страны.

Представление в его стенах начиналось глубоким вечером, почти ночью. Над вами – звёздное, тёмное, южное небо. Тихо звучит музыка, просыпается город. Слышны первые шаги идущих, звуки поющих в храме, бренчит медная посуда, зашевелился и загудел базар. Всё звучнее и шумнее город. Крики ослов, мычание священных коров, пастухи победно объявляют: жизнь идёт! И вдруг – столб света. Ещё и ещё одна вспышка, враг приближается, звучит лязг мечей, трубные звуки идущих в атаку слонов. Закрыв глаз, ты слышишь эту смертельную схватку, не зная, чем она закончится. Свет тухнет, враг отступает. Снова в городе спокойно, звучат успокаивающие звуки музыки и снова торжествующие прожектора. Звук и свет – всего два приёма, но вся тысячелетняя история пронесётся перед нами. Впечатляюще! Кто будет в Дели, посетите вечерний Красный форт.

Второй нежный и трогательный образ любви, преданности, образ прекрасной женщины, образ Индии, без созерцания которого вы не поймёте полностью её красоту и её трепетность, – Тадж Махал – мавзолей-мечеть. Отражение в бассейне напротив как бы повторяет его, но в зыбком изображении, которое в любое мгновение может исчезнуть от ветерка, дождя, туманной ночи. Ловите миг созерцания, восхищения, той высшей степени nirваны – наслаждения, в которую может впасть человек.

Ну и то, что потрясло меня в Индии в конце встречи: мы направились в южный штат. Там у власти были левые: коммунисты и наиболее последовательные, как они говорили, сторонники Джавахарлала Неру и Индийского национального конгресса. В этом штате с давних пор было большое количество христиан. Нас пригласили на вечерний праздник-митинг. Принимали приглашение с удовлетворением. Большую, я бы сказал, громадную площадь заполнили десять, двадцать, пятьдесят, сто тысяч человек. А затем, наверное, двести тысяч. Потом полмиллиона! Народ приходил и приходил ещё с красными флагами, сотнями фонариков, лент всех цветов. Хозяева начинают выступать, просят сказать какие-то слова приветствия этим людям. Какие боли и радости у них? Что они знают о нас, об СССР? Хотя, честно говоря, у меня был красивый портрет Гагарина, который я испросил у Юрия Алексеевича подарить от его имени, от нашего издательства в Индии.

Я вышел, музыка играла, передо мной стояла до конца заполненная людью площадь: полмиллиона, 700 тысяч или миллион! Не важно! Большинство – наши друзья. Я поздравил их с праздником, пожелал добра и всего хорошего семьям и близким, успеха в их делах. И мы должны добиваться этого,

у нас есть пример: наш советский человек, наш советский космонавт Юрий Гагарин, и я передаю вам от него привет, пожелания лучшего и портрет с его изображением. “Хинди Руси – Бхай! Бхай!” Этот лозунг нам был понятен. Я поднял портрет и передал его хозяевам. Что тут началось! Площадь замахала флагами, фонарями, извивающимися драконами. Гремело: “Гагарин! Хинди Руси, Бхай, Бхай!” Музыка ещё громче заиграла, перестраиваясь, наверное, на исконный русский мотив. И тут вдруг громко заиграли “Калинку”. Толпа, несколько подождав, подпевала: “Калинка-малинка моя”. Конечно, никогда раньше или позже не слышали мы, чтобы миллионы людей пели “Калинку”.

Откуда здесь, на юге Индостана, взялась “Калинка”? То ли от бежавших от революции и гражданской войны русских эмигрантов (тут их, конечно, было немного, но они были). Штат-то христианский. То ли это ноты двух-трёх русских песен и мелодий, что разошлись по миру после нашей победы в Великой Отечественной войне. Во всяком случае, “Калинка-малинка” звучала на этом празднике, её пели и танцевали сотни тысяч, миллион (!) индийских мужчин в белых одеждах и невиданной красоты женщины.

Улетали мы на следующий день из Дели. К вечеру собрали вещи. Хотелось забрать все бумажки, путеводители, денег на какие-либо покупки не оставалось, да собственно их и не было. Летим в 6 часов утра. К 12-ти часам мой заместитель Володя Прокопов, издатель из КМО, прилёт с большой головой. Я тоже готовился прилечь, и вот интересно: почему-то запечатлелось, как укладывал вещи наш переводчик из КМО Тимур Улуг-Зоде, как он нервно ходил по комнате, пил воду, что-то рвал и бросал в мусорный бак. Я ему сказал, не оглядываясь: “Ложись, завтра рано летим”. Он что-то буркнул и вышел на внутреннюю галерею-балкон гостиницы. Минут через пять я почему-то забеспокоился и вышел посмотреть, где он. На балконе его не было. Я разбудил Прокопова и послал поискать Тимура. Володя ворчал: “Куда он денется?” Через 10 минут Володя вернулся и сказал, что портёе сообщил, что Сахиб Тимур сел в такси и уехал в Британское посольство. Такси было местное при гостинице и уже приехало. Позвонили консулу. Тревога. “Ладно, еду!” Он приехал, рассказывает: заехал в американское посольство, там сообщили, что у них советского гражданина нет. Мы уехали на следующий день с тяжёлым сердцем. Да, член советской делегации из КМО из Института восточных языков Тимур Улуг-Зоде за границу ездил не раз. Позвонили нашему послу: “Что делать?” Он буркнул: “Да уезжайте сами-то”. Потом, уже позднее, я узнал, что в эти дни там перебежали Светлана Аллилуева (Сталина) и наш шифровальщик. На душе было горько и тревожно. Удивил только первый разговор с докладом о случившемся. Тот, кому я докладывал, по-видимому, уже знал о случившемся и без особого сокрушения сказал: “Да, ладно, чем больше там такого дерьма окажется, тем лучше”. Я, конечно, вздохнул свободнее, хотя и не всё понял. Через несколько дней сотрудник КГБ пришел расспросить об обстоятельствах бегства Тимура, сына члена ЦК КП Таджикистана, писателя Сатыма Улуг-Зода. Снова подбодрил меня: “Да вы не расстраивайтесь: он ведь не политический враг, он бежал как гомосексуалист в Англию. Там это разрешается”. Да-а-а, во-первых, слово гомосексуалист, я, воспитанный при тоталитаризме, узнал, только когда поступил в университет. Как и то, что это не политическое обвинение.

А Индия осталась в памяти светом, музыкой и историей Красного форта, великой красотой любви и страной восхитительного Тадж-Махала. И о том, как миллион или даже полмиллиона вдохновенно кричали: “Хинди Руси, Бхай, Бхай!”, танцевали, пели русскую “Калинку” (“Калинка-малинка, малинка моя...”).

Белогорье

Ну, и Белгород, где по старой доброй традиции продолжают смотры самодеятельности, задорные соревнования хоров и отдельных исполнителей. Когда я устаю от столичной суеты, то вечером включаю телеканал “Мир Белогорья”, где звучат народные хоры, певцы распевают русские песни и где проводятся свои конкурсы, подобные московским “Ты – супер!” и “Голос”, но считается незачетным спеть не только на английском, но и, в первую очередь, на русском языке.

В санатории “Красиво”, где я раньше подлечивался и отдыхал, поют везде, ездят на концерты и пьесы в Белгород, ранее – в Харьков (он тут рядом), но и у себя песенная конкуренция высока. Вечерами самая важная встреча – в зале клуба, где соревнуются в песне сначала дети сотрудников. Все равны, хотя часто бывают и обиды. Авторитет Галины Дмитриевны Черкашиной, бессменного директора санатория, успокаивает всех, даёт возможность повторять номера, удивительно, но все выигрывают. Главное – умение. А затем девичьи хоры, неизменно побеждающие парней, но до поры до времени, те, вливаясь в общий хор, смиряют девчат. Да и чего ссориться – все поют! Милые и профессиональные психологи вообще прописывают отдыхающим музыкотерапию. Отдыхающие, многие из которых находятся здесь по социальным путёвкам (ветераны, женщины с большим животиком), таким способом тоже лечатся. Да, в Белгороде песня звучит! Так недавно ТВ-программа “Мир Белогорья” получила серьёзную премию “Прохоровское поле” за утверждение, защиту и пропаганду высокого духа наших боевых традиций и высокого духа победы.

Глава писательской организации области Владимир Молчанов, прекрасный поэт, получивший Большую литературную премию Союза писателей России, написал хрестоматийную (на мой взгляд) поэму “Баян”. Он и сам блестящий гармонист. Вместе со всеми исполняет на встречах с писателями России во время литературных Прохоровских чтений свои песни. А коль вот так поёт, то и хор литераторов выстраивается. Его замечательная жена Надя – блестящий архитектор. Храм, спроектированный ею, стоит возле здания Белгородского университета. В Белогорье в последние годы храмов построено больше, чем их было до революции.

На недавних Прохоровских чтениях наш современный классик Владимир Крупин сказал охавшим ребятам из многих провинциальных областей: “Почему у нас не так? Дороги плохие, клубы не работают, школы закрывают? Надо клонировать губернатора и его товарищей”. Правда, тут же вспомнил советскую быль. В 1929–1930-х годах во все области пошла телеграмма Наркомата земледелия: “Создавайте колхозы!” Через три дня из Биробиджанской еврейской автономной области пришёл ответ: “Колхозы созданы – высылайте колхозников!” Вот так кто-то хочет и клон губернатора иметь, и колхозников получить. Нет, друзья, надо и губернатора, и колхозников-земледельцев вырастить у себя, а тогда и петь, и созидать можно вместе.

Бунинские места

А вот Липецкая область, город Елец, Бунинские места. Пытаемся защитить деревенскую школу, которую закрывают, “оптимизируют”, что напоминает недоброй памяти линию “неперспективных деревень” так называемого академика Заславской. Вроде мы тогда школу отстояли. Но через несколько лет её всё-таки добились. А тогда в Ельце, в местном университете на выступлениях писателей было полно ребят, девчонки плачут на выступлениях лауреата Патриаршей литературной премии воина-афганца Виктора Николаева, которому Бог оставил миг, чтобы хирург смог вырезать смертельную опухоль в его голове после тяжёлого ранения. Как на войне, так и в гражданской жизни ему было нелегко, он писал книгу “Безотцовщина”, собирая материал в тюрьмах и колониях, где содержались подростки. Вопросов была тьма. Тут же выступил самодетельный ансамбль “Червлёный яр”, состоящий из 3-х человек: архитектор, певица и гармонист-композитор (Александр Новосельцев, Наталья Миронова, Владимир Комаров). Они посвятили свою деятельность юным. Вокруг них собрались мальчишки, образовался небольшой хор “Русь державная”. Они поработали вместе с Сергеем Котыкало и Мариной Ганичевой над созданием Движения юных ушаковцев. Появились песни и гимн юных ушаковцев:

*Гордо реет Андреевский флаг
Над бескрайним простором синим,
На далёких морских рубежах
И над нами — во славу России.
И примером для всех моряков
Служит, Господом нашим хранимый,
Адмирал боевой Ушаков —
Легендарный и непобедимый.*

И эти боевые и талантливые коллективы стали хорошими друзьями Союза писателей России, побывали с нами в Белгороде и Смоленске, на родине Твардовского, в Бресте и Калуге, в Можайске, Москве и Вологде, где к ним присоединился неунывающий гармонист, способный, кажется, играть для наслаждения слушателей и день, и ночь, – Владимир Топоров.

Композитор Владимир Комаров написал множество песен на стихи поэтов-современников. Спасибо нашим бескорыстным и замечательным друзьям!

Ищу песню

Когда в 80-е годы я начал писать историческое повествование “Росс непобедимый”, затем книгу “Ушаков” – о русском Черноморском флоте, Новороссии конца XVIII–начала XIX века, – то, естественно, важно было собирать исторические документы, находить свидетельства той эпохи в жизни, языке, быте, организации общества. Безусловно, было важно почувствовать: пели ли тогда и что пели? Пришлось засесть за словари, сборники стихов и песен. Да, таковых было выпущено немало.

Фёдор Ушаков родился на Волге, где у его сельца Хопылёво стоял бакен, предупреждающий об отмелях своим светом ночью. У бакена был хозяин, бывший морской служитель, который, как можно себе представить, рассказывал разные истории тех лет.

Вот одну из них – о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии земли Флоренской – я нашёл в тех справочниках. Василий Кариотский, о котором пелось и рассказывалось, усердно учился, всё мореходное дело изучил и был приглашён в Голландию – сам Цесарь принял его на службу. В общем – история-песня запевалась о службе и о крушениях, о разбойниках, захвативших флорентийскую королеву, которую Василий спас, и она за это вышла за него замуж. В общем, и море, и корабль, и подвиг, и любовь.

А когда Фёдор Ушаков вышел из Кронштадта в первую экспедицию, в поход вокруг Скандинавии в Архангельск, то тут прямо легла в текст матросская, хоровая, работающим морякам помогающая ставить паруса песня:

*Собирайтесь, ребята,
На крутую гору
Ко царёву кабаку,
К молодому челноку,
Чтобы вино пить.
Барабаны стали бить.
Барабаны пробивали,
Нас молодцев вызывали,
Чёрны шляпы надевали,
Ины шляпы сы перами
Называли киверами.*

Матросы под песню проворно тянули канат, ставили паруса. Конечно, тут и залихватское продолжение:

*Две девушки танцевали,
Два молодца нас звали для того
Полюбить было каково.*

Боцман объяснял Фёдору: запевала Тимофей у нас мастак, знает всякие работные, палубные, плясовые, печальные, чужедальные, войсковые, солдатские, моряцкие песни. Да, моряк пел.

“Росс непобедимый” весь пересыпан песнями. То Ломоносовская ода:

*Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну.*

А вот при сожжении казацкого хутора украинская дума:

*Ой над Бугом над рікою,
На турецькій границі,
Там стояли пікінери,
З ними компанійці.*

Тогда на Кинбурне раненый Суворов победил, и родилась солдатская песня:

*С предводителем таким
Воевать всегда хотим,
За его храбры дела
Закричим ему “Ура!”*

Песня обростёт словами и станет песней сопровождающих Суворова чудо-богатырей. И тут же плач, дума казака, скорбящего о бедной разграбленной Украине:

*Зажурилась Україна,
Що нігде прожити:
Гей, витоптала орда кіньми
Маленькі діти!
Ой, маленьких витоптала,
Великих забрала,
Назад руки постягала,
Під хана погнала.
Ой, гогоги нам уступаты,
Чего боимося?
Ой, хоч орды бикгато йде,
Мы им недамося.*

Или солдатская песня того времени: “Ныне времечко военно // От покоя удалённо. // Флот турецкий подступает, // Турок на косу сажает. // И в день первый октября // Восходила их тут тьма”.

В конце исторического повествования в русской армии, прошедшей с Суворовым всю северную Италию и неприступный Сен-Готард, узнают, что их великий полководец, “отец солдат”, умер. И опять песня тех лет:

*Одну думу думали, —
Гнать любого ворога,
И с тобою, батьку,
З ворога мы тешились.
И завжди то з радістю
Мы на всю Русь-матиньку
Славили Суворова.*

Так без песни Россия не обходилась во все века, и представить её только можно с таковой песней народа, человека, любви.

“Песня дальних дорог”

Ушаков прощался с островом Корфу (Керкира), с его жителями: “Хочу всем обывателям благосклонности Божией, тишины и спокойствия на островах. Я же всегда останусь вашим покорным слугой и доброжелателем”.

Священник Дорморос снизу перед Ушаковым повёл рукой от людей и как бы извлёк из них голос, которым заполнил всю площадь: “Великий адмирал! Ты спас нас! Ты покорил нас силой своей доброты. Ты един с нами в Вере. И ты всегда будешь с нами, усталыми и страждущими, надеющимися на лучшее, греками. И мы уже не трепещем перед Западом и Востоком, потому что мы знаем: с нами непобедимая православная Россия, за нас великий Адмирал!”

Он протянул выкованную местными умельцами медаль, на которой было написано: “Мужественному и храброму спасителю и победителю”, — и, отдав её, осенил адмирала крестным знамением.

Ушаков смахнул слезу. Все эти жители: торговцы, моряки, врачи, рыбаки, — повинувшись единому чувству, запели. Они пели какую-то греческую песню,

сохранившуюся, может, от Древней Эллады, когда провожали аргонавтов, или ходили с ней “из варяг в греки”, или пели её бесстрашные купцы, вглядываясь в горизонт. Это была песня прощания и грусти. Это была песня дальних дорог. Ушаков понял это и шагнул в шлюпку.

Военная песня

Армия. Вот помню, с каким восторгом мы, мальчишки, сопровождали курсантов в Омске, которые шли уверенным шагом и пели: “От тайги до британских морей // Красная армия всех сильней!” Как, казалось, здорово и размашисто: “Красная армия всех сильней!”

В Сибири, где я жил до войны, нам ближе был восток, его оборона: “На границе тучи ходят хмуро, // край суровый тишиной объят, // у высоких берегов Амура, // часовые Родины стоят”. Тут же звучал и вальс “Амурские волны”, и песни гражданской войны, а после – “По долинам и по взгорьям // шла дивизия вперёд, // чтобы с боем взять Приморье, // белой армии оплот”.

В 1969 году я в первый раз был в Америке и, конечно, представился послу Анатолию Фёдоровичу Добрынину. Он был из той школы отечественных дипломатов, которые много читали и хорошо понимали книгу. Я привёз ему книги издательства “Молодая гвардия”. Он просил рассказать о новых авторах, спрашивал, что пишет М. Шолохов, К. Симонов, а потом спросил, хочу ли я встретиться с американскими издателями. Хочу, конечно, но и боязно. “Но сначала сходи, тут рядом, в “Магазин русской книги”, который организовал наш эмигрант Камкин. Увидишь много интересного”. Конечно, я нашёл россыпи редких книг всего мира, вышедших на русском языке. Хозяин присматривался: кто мы? И, наконец, спросил, не из Занзибара ли? “Мы из Советского Союза”. Он как бы пропустил название страны мимо ушей и спросил ещё: “Чем вы занимаетесь в России?” Я ответил: “Издатель, директор издательства “Молодая гвардия” в СССР. – Да это же серия “Жизнь замечательных людей”! Мы выписываем её из России”. И снова непростой вопрос: “А почему у вас в серии нет биографий А. Суворова, М. Кутузова, П. Нахимова, Ф. Ушакова?” Отвечать было нечего, мы только начинали перестраивать ЖЗЛ, превращать её в серию великих людей Отечества. “Хотите водочки?” – спросил он. “Нет”. – “Ну, давайте кофе. А вот у меня недавно был один ваш советский генерал и даже песню пел: “И останутся, как в сказках, // как манящие огни, // штормовые ночи Спасска, // Волочаевские дни”. Да это же “Разгромили атаманов, // разогнали воевод // и на Тихом океане // свой закончили поход”. Я тогда сказал: “Да, я там был, и у Волочаевки мы долго сражались. – Помню, – сказал генерал, – там слева пулемёты били. – Да, вот там, слева, я как раз и был”. Тогда мы с генералом выпили за друзей, погрустили. Слава Богу, больше в соотечественников не стреляю. А песню эту я запомнил”.

Песни про Красную армию, вообще, армейские песни гремели и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах. Песни Отечественной войны – разговор особый. После войны песни были в лучах победы.

*Над тобою шумят, как знамена,
Годы наших великих побед.
Солнцем славных боев озарённый,
Весь твой путь в наших песнях воспет.*

*Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая, родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет,
Шлёт наша Родина песню-привет!*

До 60-х годов в армии, в тех военных лагерях, где нас обучали, нередко звучали песни про Сталина:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей*

*За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!*

И это казалось естественным, когда мы топали в полном обмундировании, в скатках с лопатками и ручным пулемётом на плечах. Потом эти песни стали стихать и исчезли к 60-м годам, оставаясь звучать лишь за столами подвыпивших однополчан.

А во время войны и сразу после, главное — фронт и тыл: “Наше дело правое, победа будет за нами!” — В. Лебедев-Кумач и А. Александров, “Тёмная ночь” — В. Агатов, Н. Богословский, “Землянка” — А. Сурков, К. Листов, “Вечер на рейде” — В. Чуркин, В. Соловьёв-Седой (его же — “На солнечной поляночке” и др.). Неистощимый М. Исаковский — “Огонёк”, “В лесу прифронтовом”, “Под звёздами балканскими”, “Враги сожгли родную хату” и др. А великая песня-стих Р. Гамзатова в переводе Н. Гребнева, музыка Я. Френкеля — “Журавли”.

Ю. Мелентьев рассказывал, что многие уговаривали Расула заменить одно слово песни: “джигиты” на “солдаты”, чтобы пели её не только на Кавказе, что превращало бы её во всероссийскую, даже во всемирную песню. Расул согласился. Вот что значит изменить в песне одно слово!

Народный исток

Конечно, главный исток песни — народ. Об этом свидетельствуют многие исследования историков, культурологов, музыковедов, да и, в первую очередь, сама жизнь.

Поэты России создавали действительно народные песни. Как твёрдо заявлял композитор М. Глинка, “народ создаёт музыку, а мы её только аранжируем”. И уже с конца XVIII — в XIX веке и позднее авторские тексты становились народными, и уже нет смысла многие из них не считать народными.

В большинстве песенников песня “Славное море, священный Байкал” объявляется народной, хотя слова в ней Дмитрия Давыдова, правда, подправленные народом. “Дубинушка” тоже объявляется народной, хотя такой её сделал великий русский талант Фёдора Шаляпина, а в основе даже три стихотворения (В. Богданова, Л. Трефолева и куплет А. Ольхина) и один бурлацкий напев. “Степь да степь кругом” — в основе стихи И. Сурикова, а музыка народная. А уж у Некрасова каждая песня народная: и знаменитые “Коробейники” — “Ой, полным-полна коробушка...”, и “Что так жадно глядишь на дорогу...”

Песни великих поэтов становились изысканными романсами, к примеру, “Я помню чудное мгновенье”, “Я Вас любил” А. С. Пушкина. Да у него всё пелось! Помню, как уже в 60-х годах услышал от бывших суворовцев “Как ныне собирается вещей Олег...”

А пронзительные “Я встретил Вас” Ф. Тютчева, “На заре ты её не буди” А. Фета, “Утро туманное” И. Тургенева, “Выхожу один я на дорогу” М. Лермонтова и многие другие. Всё выстраивалось в песню у русских поэтов — столь музыкальны были их стихи.

И вот тут становится ясным, что песня для нашего народа — это его душа, его память от того времени, когда Боян возложил свои персты на струны, которые рокотали, от тех летописцев, которые воспевали Русь как землю “светлым-светло” украшенную, от автора “Слова о полку Игореве”, где вся ткань поэзии пронизана песенным духом.

Душа нашего народа была в песне. Н. Гоголь писал: “Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пленяется, женится и хоронится русский человек... Всё дорожное дворянство и не дворянство летит под песни ямщиков. У Чёрного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами казак, зарывая пицаль свою, поёт старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьёт острой кита, затягивая песню. Какая непостижимая сила влечёт к тебе? Что в ней, этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце?”

И все, и, в первую очередь, русские мудрецы-поэты говорили о песне как о душе народа, передающей своё прошлое в настоящее и будущее.

Ножкин

В 60-е годы я был новичок в столице. По театрам, художественным галереям и на музыкальные вечера я ходил, но сколько надо было вечеров потратить, чтобы постичь культуру Москвы, её ценности, узнать её предпочтения. Думаю, что и сегодня познание до конца не произошло.

Но вот в 1965 году молодёжь Москвы пригласили на большой новогодний бал в центре Москвы в Кремлёвский Дворец съездов. Это было большое событие – Кремль распахнул свои двери перед тысячами граждан. Мы ходили по Дворцу, радовались, кругом звучали песни, выступали группы певцов, музыкантов и любимых цирковых мастеров. Вдруг все засуетились и побежали в зал. Концерт! Ведущие сказали свои слова, Александровский хор пропел громкие “Виваты победы”. Объявляют: “Выступает Михаил Ножкин!” Спрашиваю: “Кто это?” Окружающие смотрят с недоумением: “Да это же сегодняшней бард”. Слово “бард” я знал, но что это современный модный певец, не знал (кстати, Михаил это определение не любил, он был песеннотворец). Вышел молодой красивый парень с гитарой и под шумные аплодисменты начал песню: “А на кладбище всё спокойненько”: там нет ни милиции, ни воров – всё приличненько и достойненько и т. д. Зал взорвался. Михаил поклонился и пошёл со сцены – была, наверное, договорённость петь одну песню. Но публика неистовствовала. Михаила просить было не надо, и он запел “Нам нового начальника назначили!” Хохот, шум. В чём дело? А только что сняли Никиту Хрущёва, а новые начальники ничуть не лучше, намекалось в песне. Народ вообще любил потешаться над начальством. Миша понял, что надо спастись бегством из зала. Не помогло! 30 лет после этого его не приглашали во Дворец съездов.

Нынче Михаил Ножкин – человек уважаемый. Он и во Дворце съездов проводил свои вечера, и в Колонном зале Дома Союзов (в прошлом Дворянском собрании), и в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя. Его особенно любят и даже по-своему боготворят десантники, собровцы, омовцы, разведчики. Когда последний раз объявлялось, что в 3-й раз будет проходить конкурс на сочинение гимна страны, многие считали, что такой Гимн у страны есть – песня Ножкина “Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь”, украинская берёзовыми ситцами. Да и нынче М. Ножкин нам нужен и с лихой студенческой песней “Опять от меня сбежала последняя электричка”, и с набатной песней, исполненной им в 90-е годы, “Где ж ты, Иван Калита”.

Мне всегда была мила вроде бы простая, но напоённая тревогой, грустью и любовью песня из кинофильма “Освобождение”:

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали,
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой.
Ещё немного, ещё чуть-чуть...
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию домой хочу,
Я так давно не видел маму...*

Зал всегда подпевал. Когда мне было 80 лет, Михаил Иванович в зале Церковных Соборов пропел несколько песен, а когда он начал “Последний бой, он трудный самый”, к нему подошла ведущая вечера Катя Стриженова и запела вместе с ним. Пришлось подняться с первого ряда и петь. Зал встал и пел: “А я в Россию, домой хочу, // я так давно не видел маму...”

Когда был у него вечер, посвящённый 70-летию, в Колонном зале Дома Союзов, я приветствовал его от Союза писателей, подарил саблю, что было понятно – “боец-певец во стане русских воинов”, потом обратился к залу: “Наша власть, несмотря на ряд обращений, не приняла решение, чтобы русские писатели, как писатели Чечни, Осетии, Якутии, могли получать звание народный писатель или поэт России. Но если власть не хочет или боится, давайте проголосуем и демократическим путём определим, что Ножкин Михаил

Иванович – народный поэт России. Кто “за”? Зал зааплодировал, и все подняли руки. А вы “за”?

“Шагом, братцы, шагом...”

А вот песня, которая возникла на наших глазах. Мой предшественник, директор “Молодой гвардии” фронтовик Иван Мариенбург – фамилия, прямо скажем, странная для фронтовика. Он, ругаясь, объяснял: “Да, это помещик, немец из Ивановской области дал своим крестьянам, ещё крепостным, эту фамилию”. После войны он начал хлопотать, чтобы сменить её, но это оказалось нелегко, и только с помощью первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Шелепина (впоследствии он стал его помощником) получил фамилию от имени своего отца Василия – Васильев. Он сочинил боевую песню на слова и немудрёную музыку. Писатели-фронтовики бодро исполняли её, особенно в ресторане ЦДЛ. Иван Стаднюк, Михаил Алексеев, Анатолий Никонов говорили: “Ну, давайте, братцы, шагом” и запевали; мы, если были с ними, подтягивали:

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Всю Европу за три перекура
Мы прошли от Волги и до Рура.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам рощам и оврагам,
Океан нам тоже не препона,
Потому что с Волги мы и Дона.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам,
Так пройдем мы, полные отваги,
Так пройдем до города Чикаги!*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Господам из всяких разных штатов
Не дадим забыть, что мы солдаты.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Мы за мир, но наши автоматы
Не дадут забыть, что мы солдаты.*

Песня была немного милитаристская, послевоенная, когда Победа была ещё совсем рядом, а потому всё-таки оптимистическая. В общем, “Шагом, шагом, шагом, братцы, шагом!”

Татьяна Петрова

Ну, а вот берегиней нашей народной песни можно назвать Татьяну, вернее, Татьяну Юрьевну Петрову. Она без устали в 80-х и 90-х годах носилась по стране, помогая народным коллективам, защищая, пропагандируя, продвигая русскую песню. В каком-то смысле она была народной артисткой, на концертах которой тысячи её поклонников в разных областях России заполняли залы. Исполнение “Прощания славянки” поднимало с мест тысячи людей. Когда мы ездили по многим патриотическим собраниям и митингам, стояло ей запеть “Встань за Веру, Русская земля!”, люди вставали, в общей сплочённости и единении.

Она бывала с нами и на Днях святого праведного Фёдора Ушакова 5 августа в Санаксарском монастыре в Мордовии (раньше Тамбовская губерния). От Москвы не близко, 600 км. Заезжаем в Скопин, в Свято-Дмитриевский монастырь, затем Всероссийский лагерь гостеприимства в посёлке Умёт. Едем дальше, поём. Перед монастырём дорогу преграждает свадьба: давайте выкуп. Даём какие-то рубли. Жених говорит: “Я тебе обещал, что будет прибыль”. И тут Таня на всю степь запела “Свадьбу”: “Широкой этой свадьбе было места мало, и места было мало, и земли”. Невеста сказала: “Я тебе говорила, что будет радость!”

Так и во всё Таня радостна, оптимистична и с лукавинкой.

Когда ехали обратно, тоже, конечно, пели, больше, естественно, Таня. Предложил сыграть, вернее, спеть песни о наших землях, городах, посёлках. Начали издаലെка: “Ну, что тебе сказать про Сахалин? // На острове нормальная погода... // А почта с пересадками летит с материка // До самой дальней гавани Союза, // Где я швыряю камешки с крутого бережка // Далёкого пролива Лаперуза...” Заодно мы узнали, что Лаперуз – француз, путешественник по просторам России. А затем о лихих эскадронах приамурских партизан – “Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни”. Ну, это Владивосток, Благовещенск, Хабаровск. “По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах” – это Байкал, Иркутск. Тут же из Якутии Кола Бельды уверенно обещает: “Увезу тебя я в тундру”. Энергичные ребята поют: “Нам не страшен и вал девятый, // и холод вечной мерзлоты, // ведь мы ребята, ведь мы ребята // семидесятой широты”. А ещё западнее, но тоже северяне пели “У Печоры, у реки, где живут оленеводы и рыбачат рыбаки”, “Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар, // городок не велик и не мал...”

А чуть южнее – “Долго будет Карелия сниться”, тут же рядом о городе-легенде:

*Над Россиею
Небо синее,
Небо синее над Невой,
В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего.*

И, конечно,

*Город над вольной Невой,
Город нашей славы трудовой,
Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задуманную песню свою.*

Ну, а о Москве невероятное количество песен, не знаю, есть ли у других столиц в мире столько же.

Вспоминаю один трогательный, грустный и знаковый случай. В 1964 году я был с группой молодых музыкантов, певцов, артистов цирка в Швеции по приглашению шахтёров, пели на их вечерах. В один из дней пребывания к нашей гостинице подлетела группа мотоциклистов, окружила нас, никого не пропускает: убили президента США Кеннеди. Полиция объясняет, что для нашей безопасности. Подошла делегация шахтёров из полярного города Кируны. Шахтёры заявили: “У нас на вечере будет безопаснее”. Пришли в громадный спортивный зал – набитый. Наши музыканты из Литвы, циркачи из разных городов, певец-бас Ким Базарсадаев из Улан-Удэ. Он, по-моему, только три песни исполнял, арию из оперы, бурятскую народную и “Вдоль по Питерской”. Когда затянул “Эх, по Тверской-Ямской // еду к миленькой”, балка сверху треснула и упала вниз. Публика встала, долго аплодировали. Ну, уж эти русские!

Потом к нам подошёл один шахтёр и сказал, что был во время войны в оккупированной немцами Норвегии и как там после освобождения из концлагеря пели наши земляки, уезжая на Родину. “Только не помню, какую. Напойте ваши песни”. Поём “Катюшу” – нет. “Подмосковные вечера” – нет! Потом он сам стал напевать. Да, это же “Утро красит нежным светом...”! “Москва майская”!

*Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.*

*Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!..*

Запершило в горле. В арестантских робах, на костылях, с палочками, поддерживая друг друга, они радостно выходили из ворот концлагеря и ехали на Родину. Мы знали, что там будет тяжело: кому – снова на фронт, а кому – в лагеря в Сибири, а они пели “никем непобедимую страну мою, Москву мою...” Вот сила духа!

Адмирал Шишков: “Патриоты нужны в опасное время”

Одна из интереснейших русских общественных фигур, эрудит, писатель, политик, защитник традиций нашего флота, исполин патриотизма, судьба которого ярко показывает, что, когда приходит опасность в Отечество, требуются патриоты. Этот человек, ставший и Министром народного просвещения, и адмиралом, и Президентом Академии Российской, и одним из оплотов русской культуры и духа в конце XVIII – начале XIX века, решительно выступал за русскую песню, за её слова как опору в утверждении нашего духа, сплочённости и единения. В своё время, когда я учился в школе и университете, Шишков представлялся как заскорузлый консерватор и даже мракобес, противостоящий А. Пушкину (в своём Обществе “Беседы любителей русского слова”), что не только не соответствовало действительности, но и явно противоречило словам Пушкина об адмирале.

Но откуда нам было это знать в сельском украинском райцентре, а те, кто любым образом “мочил патриотов”, патронов не жалели.

Это потом я, изучая материалы и источники, понял великое место в истории Отечества этого творца, художника и мыслителя. Но ещё несколько слов о нём и предмете суждений, которые имеют отношение к моей статье.

Известно, что он стал идеологом Александра I в первой Отечественной войне, в борьбе с Наполеоном. Его патриотические воззвания на вторжение Бонапарта, призывы создавать ополчение, обращение к жителям Москвы сопротивляться врагам, радостное одобрение приезда Кутузова в армию делали дух народа крепче. Либеральные помощники Александра I (Черторыйский, Новосильцев, Сперанский) ушли в отставку. Понадобились патриоты.

В 2014 году мы напечатали в “Роман-журнале” и в “Новой книге России” “Разговор о русской песне” А. Шишкова. Ещё раз эта статья убеждает нас в том, с какой заботой выдающиеся люди России, её словотворцы, писатели относились к нашим песням и их исполнению. А. Шишков пишет, что “его радует содержание русских песен... Прекрасные мысли и выражения. Видно, что Музы, убегая иногда от учёных, любят посещать простые хижинки... Во всех новых песнях (учёных людей), напротив, виден ум и редко слышен голос чувств, сердца. Старинные песни, напротив, суть лирические рассказы о весьма различных собой происшествиях. В них есть и воображение, и сила, и огонь, и язык страсти”.

Далее Шишков приводит пример старинных песен и слов. На искусство составления частей, на истину мыслей и на силу выражений обращает внимание автор. Так, он приводит одно прекрасное нравственное размышление, показывая истинное различие между печалью, которая съедает материнское, ничем неутешимое сердце, и той, которую молодость чувствует только временно. В песне:

*Мать плачет, как река льётся,
Сестра плачет, как ручей поёт,
Молодая жена плачет, как роса падёт:
Красно солнышко взойдёт, росу высушит.*

Какое величавое и естественное сравнение! Русская песня, говорит автор, имеет “язык сердца, истинное чувствование”. И примеры, примеры, не могу остановиться, читайте, братья, наслаждайтесь статьёй. Поэтому я и послал её некоторым знакомым композиторам. Владиславу Чернушенко, знаменитому хормейстеру, дирижёру выдающейся Санкт-Петербургской хоровой капеллы (на своё 70-летие Валентин Распутин приехал в северную столицу, где его приветствовал хор, песнями которого Валентин наслаждался, а потом капелла приехала в полном составе из Петербурга в Союз писателей, в наш зал, чтобы приветствовать его с юбилеем).

В конце – замечательные слова автора, созвучные и сегодняшнему времени: “Воспитание, свойственное русским в России, укрепляя тела и души, удаляло разум от рабского заимствования. . .

Предки наши подражали одной Природе не только звуками слов, но смыслом и обликом Русского слова одушевляли песни свои, повести и грамоты. . . Когда бы при нынешнем воспитании особенно учились русскому языку, тогда, по словам Сумарокова, “исчезли б пухлы оды, и не ломали бы языка природы”.

Вот так – завет великого предка: учиться русскому языку! И читайте книги Шишкова!

Беседа на кухне

Моя повесть “Тульский энциклопедист” о Болотове, вышедшая в 1987 году, начинается встречей людей разных характеров, взглядов и мыслей. В ней обсуждаются многие вопросы российской жизни, её культуры, истории, необходимости следовать ей или отвергать её уроки. При всём их различии, они были все созидательные патриоты своего народа, страны, культуры и духа. Тогда состоялся разговор о преобразователе, учёном экономисте, практике, литераторе и агрономе, невиданной энергии человеку Андрее Тимофеевиче Болотове. О его жизни поговорили, поставили ряд вопросов о его деятельности, решили узнать о нём побольше. Об этом и идёт дальнейшее повествование, о том, сколь блестящий, сколь выдающийся урок созидания он представил для нас, для России, о том, что было бы важно более полно знать о нём, о его великом опыте. Этот разговор состоялся в начале перестройки, и тогда казалось, что пришёл период созидания, а не перестройки-перестрелки, как оказалось.

Собрались, обсуждали вопрос, вроде бы спокойно, о песне. Можно бы было бы привести эту беседу в начале, смысл её важен, как мне кажется, и сегодня. Такая беседа идёт и сегодня среди моих товарищей. Итак, о чём говорили?

Да, песня, музыка, мелодия важны для страны, для народа. Но не затухает ли она? Не теряет ли корни, связи со своим народом, с его прошлым? Или под влиянием времени стихийно прекращает своё существование, всё меньше обращается к традиции, разрушает её.

В России дореволюционной, советской и сегодняшней всегда было несколько очагов, где песня береглась и звучала. Это, конечно, армия, это молодёжь-комсомол, это клуб-культура, это радио, это кино, это и скамеечка-завалинка.

Несколько моих собеседников сокрушались, что народ, сообщество граждан не поёт, как раньше. И хотя это часто напоминает ностальгические воспоминания стариков, что в наше время всё было лучше, но потери налицо. Почему? Говорим о некоторых. Раньше хоры были во всех школах, вузах; армия пела, шагая в строю; её ансамбли были лучшими в стране, вечера самодеятельности проходили в каждом клубе, композиторы писали не только для себя, но и для народа, филармонии постоянно проводили вечера песни, гордостью предприятий, заводов, колхозов были духовые и струнные оркестры, которые возглавляли колонны трудящихся на праздниках Первого мая, 7 ноября, которые тоже шли с песнями. Сам помню, как по Киеву в такие дни шли по Владимирской от Университета до Крещатика, пели, танцевали. То же было и в Москве, когда тысяча молодогвардейцев со знамёнами, полученными в соцсоревновании, шли от Сухаревской до Красной площади, пели, подтанцовывали, подогревались и, подтянувшись на Красную площадь, кричали: “Ура!” Можно сколько угодно скулить, что людей заставляли, но они и сегодня вспоминают дух и песни тех лет.

Если народ не единится песней, то это большая потеря для его единства. Русский народ всегда пел: и в радости, и в спокойствии, и в раздумье, и если сегодня не найдутся те силы и энтузиасты, которые возродят это, продолжат и утвердят снова песенную суть и дух людей, мы немало потеряем в своём сплочении.

Надо беречь и вспоминать не от случая к случаю русскую песню, народную песню, как это делают, например, на родине композитора-народника А. П. Аверкина, в небольшом городе Сасово Рязанской области. С какой любовью собирают здесь ежегодно, уже двадцатый год (!) народные коллективы и певцов со всей Земли Русской на Всероссийский фестиваль народного творчества, посвящённый Александру Аверкину. Как бережно и трогательно руководство и жители Сасово готовятся к этому фестивалю, встречают гостей, дают разлиться по широким рязанским просторам русской песне! Вот бы так везде! А чего стоит единственный в России «Музей русской песни»! Право слово, позавидуешь доброй завистью Сасово и сасовцам, да и порадуешься, и погрустишь, что не можем мы этого увидеть и узнать, не нужно это нашим СМИ и нашему пиару.